

АКСЕЛ БАКУНЦ

АЛЬПИЙСКАЯ ФИАЛКА

Вершина Какаваберда круглый год покрыта тучами. Зубчатые стены замка теряются в белых облачных глыбах, среди которых чернеют лишь одни высокие башни. Издали кажется, будто на их вершинах разгуливает стража, будто крепко закрыты железные ворота замка и будто кто—то вот—вот окликнет человека, поднимающегося по обрыву.

Но когда ветер рассеивает тучи и лохмотья облаков расплываются в воздухе, тогда вырисовываются наклонившаяся вершина башни и заросшие травой стены, наполовину ушедшие в землю. Нет никаких железных ворот, нет никакой стражи.

В развалинах Какаваберда царит тишина. Только река Басут бушует в ущелье, шлифуя синий кварц своего узкого русла, и кажется, будто под ее белой пеной воют тысячи волкодавов, грызущих свои железные цепи.

Коршун и гриф свили себе гнезда на стенах. Едва заслышав звуки шагов, они с криком и шумом вылетают из своих гнезд и начинают кружиться над верхушкой замка. За ними подымается горный орел. Его клюв—кривая сабля, когти—остроконечные пики, а перья—точно стальной панцирь.

Единственный цветок Какаваберда — альпийская фиалка, цветок пурпурного цвета, со стеблем красным, как ножки куропатки. Альпийская фиалка цветет под развалинами, возле камней. Когда тучи опускаются на мрачные стены замка, фиалка сгибает стебель и склоняет голову на нагретый солнцем камень. Пёстрому жучку, купающемуся в цветочной пыли, фиалка кажется качелями, а мир — багряным цветком.

Внизу, в ущелье, на другом берегу реки Басут гнездятся несколько домов. По утрам из ердиков (отверстие в потолке дома.) подымается дым и, расстилаясь синей лентой, тает в облаках. Жарким полднем раздается в деревне крик петуха; какой—то старый крестьянин зевает в тени своего дома, чертит что—то палкой на песке, погружаясь мыслями в прошлое.

Медленно тянется время в деревне и наверху — в замке. Годы — словно сменяющиеся листья все того же дерева. Путаются воспоминания. Так же, как прежде, шумит река, все те же камни, все тот же горный орел.

Сколько поколений прожило у реки Басут, сколько людей расстилали залатанный войлок, покрывали камышом свои шатры и каждой весной, когда на склоне Какаваберда распускалась альпийская фиалка, гнали по откосам коз и овец, наполняли бурдюки сыром, а зимою грызли козий сыр и просяной хлеб.

* * *

Однажды в жаркий полдень три всадника поднимались по скалистому обрыву Какаваберда. Не только по одежде, но и по посадке первых двух можно было догадаться, что это городские жители, никогда не видевшие ни Какаваберда, ни этих скал.

Третий всадник был их проводником. В то время как первые двое крепко держались за гривы лошадей, почти сгорбившись, чтобы сохранить равновесие, последний как ни в чем не бывало мурлыкал себе под нос песню, такую же меланхолическую и безнадежную, как это пустынное ущелье, унылый обрыв и отдаленная деревня.

Тучи, окутывавшие замок, то раздвигались, подобно занавесу, и тогда обнажались стены, то заволакивали

вершину. Первый всадник не отрывал глаз от стен. В его голове проносились легенды о замке, предания пергаментных летописей о днях княжеского владычества, о тех днях, когда кони в броне стучали копытами у железных ворот, когда ратники, размахивая пиками, возвращались из разрушительных набегов. Он смотрел сквозь очки глазами ученого и видел воинов, он видел и историков, воспевавших им хвалу, скрипя камышовыми перьями по пергаменту, слышал топот тех древних коней. Как трудно было ему подниматься по обрыву, по которому взбегали как серны былые владельцы замка.

Они доехали до шатров. Первый всадник продолжал свой путь. Он искал старую дорогу и не замечал ни детей, игравших в золе, ни коз, удивленно провожавших его глазами.

Второй всадник — человек в фетровой шляпе — не искал древностей на вершине Какаваберда. Все его имущество заключалось в остро отточенном карандаше и толстой тетради. Стоило ему заметить какое—нибудь лицо, красивый уголок или мшистый камень, как он сейчас же начинал зарисовывать на бумаге то, что видел.

Первый всадник был археолог, второй — художник.

Когда они доехали до шатров, на них накинулись собаки.

На собачий лай из палаток вышло несколько человек и посмотрело в их сторону.

Дети, игравшие в золе, наблюдали, как собаки с лаем побежали за лошадьми. Напрасно проводник пытался отогнать их плеткой. Собаки с лаем проводили их до самых стен замка, потом взапуски побежали обратно.

Камни замка как будто ожили и начали беседовать с археологом. Он подходил к каждому камню, нагибался, что—то разглядывал, измерял, записывал, ковырял ногой землю и обнажал края обтесанного камня. Наконец он взобрался на стену, высунул голову из бойницы башни и громко вскрикнул, увидев в углу вырезанные на камне письмена.

Проводник, который в это время отпустил поводья, курил, сидя у стены, вскочил на ноги от его крика. Ему показалось, что человека в очках ужалила змея.

Человек в фетровой шляпе зарисовал развалины стен и остроконечную башню. Когда он скопировал вход в замок, карандаш на минуту застыл в его руке, потому что гриф, вспугнутый звуком его шагов, вылетел из гнезда и закружился над башней. За ним шумно вылетели остальные.

Лошади испугались и прижались друг к другу. Когда археолог закричал с вершины башни, что обнаружил склей князя Бакура, художник не понял его слов. Он следил за полетом грифов, за могучими взмахами их крыльев, смотрел на их изогнутые кроваво—красные клювы. Какое—то страшное величие было в их кружении.

Он даже не заметил, как его шляпа, соскользнув, упала на камень.

Крестьянин с заткнутым за пояс серпом, с головой, повязанной грязным платком, поднялся по скалистому обрыву, опираясь на палку, и подошел к сидящему возле лошадей проводнику.

Он видел, как человек в очках сдвигал камень. Когда он спросил проводника, кто эти приезжие и что они ищут в развалинах замка, проводник сначала не нашелся что сказать, но потом ответил, что в книгах написано, будто на

вершине Какаваберда зарыт в карасе(большой глиняный кувшин) золотой клад.

Жнец призадумался, повел плечом и спустился к ущелью жать просяное поле. Он шел, разговаривая сам с собой. Как было бы хорошо, если бы ему посчастливилось найти этот клад. Как часто сидел он на том самом камне, который сдвинул человек в очках. Если бы он раньше знал о кладе, золото давно звенело бы в кармане его архалука. Ах, сколько коров можно было бы купить... Занятый такими мыслями, он незаметно дошел до своего поля. Сняв чуху, он отбросил вместе с ней все ненужные мысли, схватил и сжал пучок проса.

Возле камней замка расцвела альпийская фиалка— цветок пурпурного цвета. Археолог не замечал ни фиалки, ни травы. Его сапоги мяли зелень и цветы.

Мир для него был громадным музеем, где нет ничего живого. Он срывал плющ, обвившийся вокруг камней, кончиком палки с корнем вырывал растущую в расщелинах камня фиалку, гладил рукой эти камни и счищал с надписей въевшуюся в них пыль... Зарисовано все, что понадобилось археологу, человек в фетровой шляпе стал рисовать развалины, гнездо горного орла, свитое между зубчатыми камнями, и альпийскую фиалку у подножия стены.

* * *

Они оставили замок после полудня. Перед тем, как уйти, археолог еще раз обошел вокруг замка, сделав какие— то заметки в тетради, и быстрыми шагами догнал лошадей. На этот раз проводник ехал впереди. Если археолог думал о князе Бакуре и пергаменте историка, если художник вспоминал фиалки и прислушивался к шуму реки

Басту, то проводнику мерещились свежий лаваш, сыр и мацун(*Мацун—кислое молоко вроде простокваши*).

У первого же шатра он расседлал лошадей, стреножил их поводьями и через узкую дверь вошел во внутрь. Проголодавшиеся лошади с жадностью погрузили морды в свежую траву.

У самого входа в палатку, возле очага, сидел маленький мальчик и пек в золе грибы. Появление незнакомых людей его смутило, и он не знал, что ему делать: убежать ли, оставив в золе грибы, или взять их с собой. Но когда близ палатки слышались шаги босых ног его матери, мальчик осмелел и, достав из золы печеный гриб, положил его на камень очага.

Мать вошла, натягивая на глаза головной платок, направилась в угол палатки, достала из постельной груды две подушки и протянула гостям.

Проводник достал из сумки археолога банку консервов.

—Мы голодны, сестрица,—сказал он.—Дай—ка нам мацун, если есть, да, кстати, приготовь чай. Сахар у нас есть.

Женщина подошла к очагу, отодвинула грибы и, нагнувшись, стала дуть на дымящийся кизяк. Платок упал с ее головы, и человек в фетровой шляпе увидел ее белый лоб, черные волосы и такие же черные глаза. Он, не отрываясь, смотрел на дымящийся очаг, на женщину, склоненную над золой. Где он видел такое же лицо, такой же высокий белый лоб и темные фиалковые глаза? Когда женщина встала, чтобы поставить на очаг треножник, и достала почерневший от дыма чайник, художник увидел совсем близко ее глаза и пепельную пыль от золы на бровях и волосах.

Сколько времени пронеслось с тех пор! Неужели между двумя лицами может быть такое сходство! Даже очертания губ были те же.

Лицо какавабердской женщины слегка загорело от солнца, но разрез глаз тот же, что у другой женщины, той, у которой такая же тонкая талия, такой же стройный стан.

Быстро и молчаливо двигаясь, женщина приготовила чай. Каждый раз, когда она нагибалась, подымалась или ступала по циновке босыми ногами, на ее руках, как крохотные колокольчики, звенели серебристые пуговицы, тихо шуршало длинное, доходившее до пят платье.

Та женщина тоже носила шуршащие платья, но на ней, кроме того, были серое пальто и черная бархатная шапочка, а в шапочке—булавка с головкой оранжевого цветка.

Та женщина была далеко—далеко. Быть может, река Басут, сливаясь с какой—нибудь другой, достигла того моря, на берегу которого он когда—то сидел с нею на песке.

Проводник открыл вторую банку. Археолог не отрывал глаз от скатерти и медной посуды. Мальчик съел свои грибы и устремил взгляд на блестящую жесть банки, выжидая, когда приезжие покончат с консервами. Проводник заметил этот взгляд и протянул ему банку. Мальчик начал ее трясти. Собака, отдохавшая перед палаткой, проглотила кусок мяса и облизнулась. Тогда мальчик побежал показывать другим детям белую жестяную коробку — невиданную диковинку среди этих мест.

Женщина сидела у очага, часто приподнимала крышку чайника и смотрела на закипавшую воду. Она поправляла огонь, пододвигала кизяки ближе друг к другу и, прикладывая руку ко лбу, защищала глаза от дыма,

который, поднимаясь, как облако выходил из щелей камышовой стены.

Женщина у очага, под длинной одеждой которой ясно вырисовывались колени, казалась человеку в фетровой шляпе жрицей, гадающей по клубам дыма над треножником.

Та — другая — женщина никогда не ходила босиком, никогда не сидела у дымящегося кизяка.

Море колыхалось по утрам, как бронзовая лава, и лизало прибрежные камни.

Там, на морском берегу, сидела женщина в черной бархатной шапочке, чертила кончиком зонтика какие—то знаки на песке и тотчас же стирала их. Сам он держал в руках сухую веточку и ломал ее на мелкие кусочки. Когда волны, бросаясь к их ногам, убегали обратно, они уносили с собой эти маленькие щепки.

Там, на морском берегу, женщина дала ему обещание, и мир тогда показался ему необъятным морем, с которым слилось его сердце.

Потом наступили иные дни. Как случайно и как круто разошлись их пути. Остались в памяти лишь фиалковые глаза, серое пальто и кончик зонтика, которым она чертила на песке и стирала свои обещания.

Закипел чайник, запрыгала крышка. Женщина достала из корзины блюдца и расставила на скатерти разрисованные стаканы. Когда она нагнулась над скатертью, ее коса перекинулась через плечо. У женщины на морском берегу были короткие стриженные волосы, белая шея и тонкая кожа, сквозь которую просвечивали синие вены.

Прибежал мальчик с пустой консервной коробкой в руке.

В дверях стояла группа детей и с удивлением разглядывала сидящих на циновке гостей. Радости мальчика не было предела, когда он получил и вторую коробку. На этот раз он никуда не убежал. Он уселся на циновке, мать налила ему чаю, а человек в фетровой шляпе положил в его стакан большой кусок сахара. Мальчик с удивлением смотрел на поднимающиеся пузырьки, потом опустил в стакан палец, чтобы отправить сахар в рот. Хотя горячий чай обжег ему кожу, он не издал ни звука, потому что тающий сахар был так вкусен! Археолог улыбнулся, вспомнив, очевидно, какую—то страницу из первобытной эпохи человечества. Женщина, доливая чайник, радостно улыбнулась шалости сына.

От человека в фетровой шляпе не укрылась эта улыбка—она была ему так знакома... По—видимому, когда люди похожи друг на друга, то и улыбки их одинаковы. Верхняя губа женщины слегка задрожала, губы ее покраснели, как кровавые лепестки гвоздики, улыбка осветила ее глаза.

Художник быстро достал из кармана тетрадь, торопливо перелистал страницы с изображениями камней и барельефов, перевернул и страничку с гнездом орла и легкими движениями карандаша нарисовал женщину, сидевшую у огня со взглядом, устремленным на камень очага.

Контуры ее фигуры были хорошо ему знакомы: его мысль часто работала над ними много лет подряд.

Только мальчик увидел рисунок на белом листе. Ему показалось, что белые листы человека в фетровой шляпе отражают все предметы, точно прозрачная вода родника.

Немного погодя, лошади остановились перед шатром. Проводник надевал на них поводья, стягивал подпруги. Привязав сумку к седлу, он подошел к очагу проститься с женщиной. Она поднялась, быстрым движением опустила на лоб платок и кончиками пальцев дотронулась до его протянутой руки. Остальные последовали его примеру. Но с ними женщина простилась иначе: она прижала к своей груди руку и наклонила голову.

Человек в фетровой шляпе подарил мальчику серебряные монеты и погладил его по голове.

Лошади шли по скалистому обрыву Какаваберда к Басутскому ущелью. Три человека спускались по обрыву, держась за поводья, и каждый думал о своем.

По обеим сторонам дороги цвели альпийские фиалки. Человек в фетровой шляпе нагнулся, сорвал цветок и положил его между теми страницами тетради, где были нарисованы треножник и та стройная женщина.

Из—под лошадиных копыт вылетали камни и с шумом катились в ущелье.

В мыслях человека бушевало море, и это море выбрасывало к берегам то стриженую головку в черной бархатной шапочке, то женщину в длинном одеянии с большими косами на спине, то полуразрушенные стены и у их подножия альпийскую фиалку—цветок пурпурного цвета.

* * *

Вечерело.

По той же дороге подымался человек. Серп блестел у него за поясом. Человек устал. Целый день он жал короткие стебли проса, и от этого у него ныла спина. Поэтому он шел медленно, опирался палкой о камни и часто останавливался, чтобы перевести дыхание. Когда он останавливался, у него начинали дрожать колени. Это был тот жнец, которому проводник рассказывал о кладах замка. Со своего поля он видел всадников, и ему показалось, что в их привязанных к седлам сумках находится клад, в течение столетий лежавший под камнем, под тем самым камнем, на котором он так часто сиживал, когда пас коз и овец. Эта ли мысль его донимала, или просто его томила усталость, но он был мрачен, как голодный медведь, вышедший на вечернюю охоту.

Дойдя до первого шатра, он оттолкнул ногой собаку, выбежавшую, виляя хвостом, ему навстречу, вынул из—за пояса серп, швырнул его в угол и, поставив палку у очага, молча уселся на циновку.

Очаг дымился. В чайнике кипел чай. На подушке лежали два куса сахара.

Жнец еще не успел снять лапти и вытряхнуть из носков пучки проса, когда, позвякивая пуговицами и шелестя складками длинного платья, вошла его жена. Сын цеплялся за ее подол, держа в руках пустые консервные коробки.

Мальчик побежал к отцу, чтоб показать ему свое богатство. Отец понял, что всадники сидели на его циновке. Мальчик показал ему также и серебряные монеты, которые подарил ему добрый дядя.

Отец грубо оттолкнул сына и отшвырнул коробки.

Покатились коробки, покатился и мальчик. Но он быстро вскочил на ноги и побежал за коробками. Держа их в руках, он зарылся в подол матери и зарыдал. Отец

смягчился, позвал сына, попросил показать монеты. Мальчик подошел к отцу, улыбаясь сквозь слезы, зажав монеты в кулаке. Потом он рассказал, что в кармане у гостя была какая—то блестящая вещь с белыми листами. Человек, который дал ему серебро, унес с собой на одном из листов изображение его матери.

Ревность, точно молния, блеснула в мрачном сердце крестьянина. Глаза его широко раскрылись, он побледнел. Мать посмотрела на сына и вспыхнула; отец заметил на ее лице краску. В следующую минуту он вскочил, как разъяренный медведь, схватил волосатыми руками тяжелую палку, и через секунду палка со страшным треском опустилась на спину женщины.

Звенели пуговицы, взметнулись длинные косы. Чайник накренился на треножнике. Сломанный конец палки отлетел в угол. Женщина не кричала, она только извивалась от боли. Схватившись рукой за спину, вышла из шатра, чтобы дать волю слезам.

Мальчик последовал за ней, не выпуская из рук жестяных коробок, и спрятался в складках ее платья.

Муж, ворча себе под нос, поужинал просяным хлебом, и, подложив под голову папаху, растянулся на циновке.

Потом на вершине Какаваберда воцарилось безмолвие. Погасли огни очагов, наступила темная ночь. Дрожа от страха перед зверями, собаки клубком свернулись возле шатров. Овцы улеглись на траве. И женщина легла на циновку, укрыв мальчика войлоком.

Туча сползла, как огромная улитка, с вершины Какава—берда к шатрам.

Сырость окутала мох и камни, на шерсти спящих овец осела ночная сырость

Роса пала на лепестки альпийской фиалки. Опьяненный ароматом жучок спал в ее венчике, и ему казалось, что мир—это благоухающий цветник, альпийская фиалка.

Перевод П. Макинцяна